

33. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3183, 37 арк.
34. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3184, 37 арк.
35. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3186, 40 арк.
36. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3187, 41 арк.
37. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3197, 18 арк.
38. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3205, 31 арк.
39. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3206, 50 арк.
40. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3207, 35 арк.
41. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3211, 27 арк.
42. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3213, 32 арк.
43. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3235, 117 арк.
44. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3237, 47 арк.
45. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3250, 117 арк.
46. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3254, 364 арк.
47. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3330, 54 арк.
48. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3331, 54 арк.
49. ЦДАУК. – Ф. 313, оп. 2, спр. 3413, 33 арк.
50. ЦДАУК. – Ф. 349, оп. 1, спр. 45, 93 арк.
51. ЦДАУК. – Ф. 715, оп. 2, спр. 2259, 115 арк.

52. Черказьянова И. В. Проблема немецкоязычного образования в России в годы Первой мировой войны // И. В. Черказьянова // Питання німецької історії : зб. наук. пр. / відп. ред. С. Й. Бобилева. – Д. : РВВ ДНУ, 2009. – С. 56–82.

Надійшла до редколегії 04.11.10

УДК 94 (47+57) “1914/1917”

А. Н. Кадол

Криворожский технический университет

«НЕМЕЦКИЙ ВОПРОС» В РОССИИ КАК ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ «ПОЛИТИКИ НАСЕЛЕНИЯ». 1914–1917 гг.

Висвітлено імперську етнополітику Росії часів Першої світової війни. На основі матеріалів «німецького питання» досліджено застосування у політичній практиці Росії концепції «політики населення» в милітарний період існування російської держави 1914–1917 рр.

Ключові слова: німецьке питання, «політика населення», етноконфесіональний націоналізм, образ ворога, антинімецька кампанія.

Освещены вопросы имперской этнополитики России времён Первой мировой войны. На основе материалов «немецкого вопроса» исследовано применение в политической практике России концепции «политики населения» в милитарный период существования российского государства 1914–1917 гг.

Ключевые слова: немецкий вопрос, «политика населения», этноконфессиональный национализм, образ врага, антинемецкая кампания.

The questions of Russia imperial ethnopolitics during First World War are analyzed. The author addressing to materials of “a German question” investigates the concepts of «policy of population» during the military period in Russia 1914–1917.

Key words: a German question, «a policy of the population», ethno confessional nationalism, an image of the enemy, antiGerman campaign.

Der Aufsatz ist den Fragen der imperialen ethnischen Politik Russlands während des Ersten Weltkrieges gewidmet. Im Mittelpunkt der Studie des Verfassers steht die Anwendung der Konzeption „Bevölkerungspolitik“ des russischen Staates in der militaristischen Phase seines Bestehens.

Schlagwörter: Deutsche Frage, Bevölkerungspolitik, ethnischer und konfessioneller Nationalismus, Feindbild, antideutsche Kampagne.

Российское измерение Первой мировой войны требует осмысления модернизационных концепций царизма, в которых система отношений «власть – общество – этносы» занимала далеко не последнее место. В связи с этим достаточно важным и заметным общественно-политическим явлением во внутренней жизни России времён Первой мировой войны была антинемецкая кампания.

Военно-политическая ситуация 1914–1915 гг. подтолкнула власть к поиску причин поражений русской армии. В то же время назревший в обществе системный и духовный кризисы, характеризующиеся состоянием глубокой растерянности, отсутствием идеалов и ценностных ориентиров, привели к активизации крайних форм национализма и формированию образа врага в лице немецкого населения Российской империи [9, с. 175–197]. Отдельным направлением внутренней политики царизма становилась концепция «политики населения» (нем. – Bevölkerungspolitik) – политически мотивированные репрессии по отношению к «вражеским» народностям Империи среди якобы нелояльных групп инородцев из числа собственного населения, в том числе и российских немцев. В ситуации военного противоборства со странами Четвертного блока «немецкий вопрос» приобрёл особую значимость, поскольку Россия была родиной многочисленной немецкой диаспоры. Условия войны требова-

ли от России максимальной концентрации военных, экономических, общественно-политических ресурсов. С этой целью была осуществлена мобилизация имперского национализма и разжигание этнической ксенофобии, а также исключительно репрессивный характер правительственных мероприятий по отношению к немцам. Такая политика была невозможна без использования пропагандистской машины в интересах политической власти, в угоду создания мифа о национальном единении путём «чистки» вредных элементов населения [8, с. 323–324].

Невиданных масштабов достигли бездоказательные обвинения российских немцев в пособничестве Германии. Власти, в частности, преследовали такие цели:

- создать образ врага в лице «инородческих» немецких поселенцев;

- мобилизовать общественные ресурсы национализма с идейной целью – вдохновить народные массы на ведение войны;

- снять социальное напряжение в обществе, стремясь сместить акцент народного недовольства, объясняя поражения русских армий «изменой тыла»;

- усилить влияние государства на немцев-инородцев с последующей задачей их русификации.

Репрессивные мероприятия были реализованы в сугубо специфических российских условиях, когда проблемное положение российских немцев усилиями националистически ориентированной элиты России составило единую дилемму с вопросами ведения войны.

Государственные власти, в частности, чиновники-реформаторы, и прежде оказывали влияние на своих подданных. Так, ещё в довоенное время в западноевропейских странах – прежде всего, колониальных империях – стремительно повысился интерес к «населению» как объекту государственной политики, выражением чего стала концепция «политики населения» [13, с. 83–102]. Ключевым методом при этом являлась тотальная война, которая предусматривала массовое уничтожение людей по принципу этнонациональной, этнотерриториальной и этноконфессиональной избирательности. Зачастую роль мотивационного фактора играла политическая лояльность / нелояльность «неблагонадёжных вражеских народностей» (в ряде случаев действительная, но зачастую воображаемая и поэтому совершенно недопустимая с моральной и юридической точки зрения, так как использование принципа коллективной ответственности является грубейшим нарушением международного права).

Важную роль в разработке теории концепции «политики населения» сыграла российская военная статистика, которая превратила прежде обтекаемое слово «народ» в чётко определяемое понятие «население». Её же усилиями начали фиксировать этническую принадлежность подданных Российской империи. К концу XIX в. военные статистики все чаще стали выражать беспокойство по поводу полиэтничности Российской империи, а также высказываться о предпочтительности её однородности.

Вслед за военными аналитиками пошёл ряд русских интеллектуалов. Они подобным же образом объясняли ментальный разрыв, существующий между царизмом и многонациональным населением страны. Так, в частности, П. Струве утверждал, что «если бы население России было одноплеменным, чисто русским, существование власти, находящейся в открытом разрыве с народом, вряд ли было бы возможно» [12, с. 41]. В российском варианте речь шла о формировании доктрины государственного этноконфессионального национализма. Националистические движения в мире и панславистские воззрения части политической элиты имперской России благоприятствовали этому.

До 1914 г. технология массового воздействия на население в чётко очерченных регионах применялась, в основном, в районах колонизации и в западном приграничье у черты оседлости. Военная политика 1914–1917 гг. и усиление государственного диктата позволили перенести методы тотальной войны практически на все пространство Империи. Антинемецкая кампания времён войны соответствовала проявлению «политики населения» (ограничение гражданского статуса российских немцев, идеология германофобии, административно-полицейский надзор, военные репрессии, ликвидация немецкого землевладения). Несмотря на тот факт, что балтийские немцы и немецкие крестьяне в войне двух империй провозгласили верность русскому царю и России, что неоднократно подтверждалось на фронтах и в тылу, это нисколько не остановило высшие власти страны руками военных приступить к широкой дискриминации [6, с. 268]. Основным средством реализации государственно-политических мероприятий военного времени, направленных против российских немцев, были, в первую очередь, массовые депортации [1, с. 14–30].

Ситуацию в отношении царского руководства к российским немцам в какой-то мере прояснило выступление в Государственной Думе министра внутренних дел Н. Б. Щербатова, состоявшееся ле-

том 1915 г. Он провозгласил тезис о необходимости ассимиляции инородцев «без различия языка», в том числе и немцев, сославшись при этом на зарубежный опыт функционирования полиэтнических обществ [13, с. 96]. Это были положения программы «политики населения», частично обнародованные в период милитаризации 1914–1917 гг. «Во-многом, – сказал министр, – [...] виновато не только правительство, но виновата и русская наука, литература и русское общество, которые долгие годы раболепствовали перед всем германским... Коли массы немцев, особенно немцев-колонистов, поддавались туго ассимиляции, то за последние 200 с лишком лет многие семейства, носящие немецкие фамилии, сделались совершенно русскими, многие из них жили и живут совершенно общей жизнью с нами, многие, имена их известны и в русской науке как имена совершенно русские, и верность многих из них России вне всякого сомнения» [4, с. 627].

О том, какие идеи несли в массы многочисленные германофобские публикации, говорил член Государственного Совета (фракция правых) Д. Калениченко: «Основные условия могущества России, как земледельческой страны, состояло и состоит в её земледелии и вере в неприкосновенную прочность семейного очага, поэтому наши заклятые враги немцы решили... подорвать в русском населении веру в мать-кормилицу землю, в религиозные принципы православия, заменив его немецким штундизмом, и поколебав прочность семейного очага... у нас считалось неприличным критиковать то, что дано нам хитрыми немцами, а тем более отвергать, напротив, всюду в литературе, земледелии, строительном и других искусствах, рекомендовалось слепо подражать немецким образцам, и мы им во всём подражали» [5, с. 3–4].

Тотальная война была тесно связана с усовершенствованием политики управления людскими массами, где этнический фактор превалировал над традицией конфессиональной и национальной терпимости. Поэтому военную политику царского руководства по отношению к западным территориям, находившимся на военном положении, нельзя рассматривать просто как военную необходимость или проявление глубоко укоренившейся ксенофобии. Это были лишь методы воздействия как на «инородческое» население, так и на российское общественное мнение. Т.е., по существу, практика антинемецкой кампании 1914–1917 гг. соответствовала теории «политики населения», разработанной задолго до войны.

Например, депортация немецких колонистов из трёх западных губерний — Киевской, Подольской и Волынской — летом 1915 г. проводилась в рамках эвакуации населения, будучи составной частью мобилизационных мероприятий властей. Иными словами, выселение колонистов было составляющей плана ведения войны. Свидетельством этого являются материалы военной контрразведки царских ведомств, из которых следует, что в довоенный период в генеральном штабе армии были проведены обследования по военным округам проживающих иностранных подданных, составлены списки лиц, подлежащих выселению в предмобилизационный период из районов жительства. Причём отдельная работа была проведена в особом делопроизводстве (5-е) по расчёту земельных владений немцев-колонистов и других иностранцев, проживающих в России (1900-е — 1913 гг.) [15]. С 1912 г. распоряжением главного управления генерального штаба все контрразведывательные отделения составляли и периодически дополняли списки лиц, подлежащих аресту или высылке в «подготовительный к войне период» из районов мобилизации и возможных боевых действий [2]. Одну из групп, которую предполагали выслать административным порядком во внутренние губернии, составляли, в основном, немецкие колонисты. Так, в частности, генерал-квартирмейстер главного управления генерального штаба Ю. Н. Данилов указывал: нет необходимости применять депортацию по отношению ко всем иностранцам только потому, что в виду своей этнической принадлежности они могут из чувства патриотизма вступить на путь шпионства [2].

Антигуманные методы «политики населения» по отношению к немцам были следствием геополитических амбиций царизма, нашедших своё выражение в русской имперской идее — заботе монарха о военном и пространственном величии России. В годы Первой мировой войны эта идея выражалась в формулировке военных целей России, связанных или с территориальными приобретениями, или же с опасением потерять западные территории дабы не утратить статуса великой державы и тем самым «не допустить до такого унижения» [7, с. 13–14].

Страх имперского политикума перед сецессионными требованиями со стороны общественных элит нерусских народностей порождал обострение «немецкого вопроса», желание ускорить его решение в единственно возможное время войны. И поэтому так важно было для царского руководства представить «немецкий вопрос» в

качестве этнонационального конфликта, заглушая тем самым его реальную социально-экономическую составляющую и стратегический подтекст [11]. Так, в связи с этим широкое хождение среди высшей администрации получила идея перераспределения немецких земель в пользу особого земельного фонда, должного быть образованным в условиях военного времени. По этому поводу руководитель земледелием и землеустройством А. В. Кривошеин заявил, что ставка в лице начальника штаба верховного командования генерала Н. Н. Янушкевича оказывает давление на его ведомство и требует издания царского указа о «наделении землёю наиболее пострадавших и наиболее отличившихся воинов» [16, с. 23]. Наделение землёю предполагалось определить в размере от 6 до 9 десятин на воина [3, с. 671]. Н. Н. Янушкевич руководствовался идейными соображениями: поднять дух армии и заинтересовать русского солдата материально. В письме к А. В. Кривошеину он указывал, что «сказочные герои, идейные борцы и альтруисты встречаются единицами, таких не более одного процента, всё остальные – люди 20-го числа» [16, с. 23]. Начальник штаба полагал, что «драться за Россию красиво, но масса этого не понимает», поэтому «героев надо купить» землями немцев-колонистов [16, с. 23–24]. Проект также предполагал конфискацию земли у тех, кто дезертирует или сдаётся в плен [10, с. 650].

Итак, вышеизложенные положения позволяют увидеть на примере исторического опыта практику правящих элит в кризисной ситуации искусственно создавать образ внутреннего врага. В годы Первой мировой войны милитаризация проникла во все сферы общественной жизни России, в первую очередь коснувшись тех проблем, разрешение которых в условиях военного времени было наиболее возможным и благоприятным. Для полиэтнической России таким наболевшим вопросом были межэтнические отношения в Империи и выработка царским руководством соответствующей этнополитики. Последнее же стало возможно только при условии милитаризации национальных проблем, спектр которых был достаточно широк – от формирования общенациональной русской идеи до практической реализации идеологии русского национализма. Данный процесс нашёл свое выражение в политической организации насилия по этническому признаку по отношению к слоям собственного населения – немецкому этносу, долгое время до момента войны с Германией считавшемуся одним из оплотов царизма. Практиче-

ская реализация целей антинемецкой кампании была неотделима от морально-психологического урона. Это привело к расколу российского общества, что в полиэтнической стране было чревато нарушением социэтнического равновесия.

Библиографические ссылки

1. *Бобылева С. И.* Антинемецкие кампании в России и судьбы немецкого населения в начальный период Первой мировой войны / С. И. Бобылева, А. Н. Кадол // Вопросы германской истории : сб. науч. тр. / Отв. ред. С. И. Бобылева. – Днепропетровск : РИО ДНУ, 2005. – С. 14–30.
2. *Греков Н. В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы / Н. В. Греков – М. : МОНФ, 2000.
3. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / В. И. Гурко. – М. : НЛЮ, 2000. – С. 671.
4. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания / под общ. ред. А. Л. Паниной : в 2-х т. – М. – Т. 2. – 1997. – С. 627.
5. *Калениченко Д.* Первая Ступень к Свободе и Богатству каждого в связи с избавлением от немецкого ига / Д. Калениченко – М., 1915, С. 3–4.
6. *Капелер А.* Росія як поліетнічна імперія: Виникнення. Історія / А. Капелер. Розпад. – Львів : Вид-во Україн. католического ун-ту, 2005. – С. 268.
7. *Кудашев – Сазонову: № 13* Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел (4–5 октября 1915 г.) // Междунар. отнош. в эпоху империализма : Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 гг. Серия III. 1914–1917 гг. – Т. VI. – Ч. 1. – М. – Л. : ОГИЗ. – С. 13–14.
8. *Мякотин В. А.* Наброски современности. Борьба с «германизмом» и национальный вопрос / В. А. Мякотин // Русское богатство. – 1914. – № 9. – С. 323–324.
9. *Оболенская С. В.* «Немецкий вопрос» и представления о немцах в России в годы Первой мировой войны / С. В. Оболенская // Россия и Германия. – Вып. 2. – М., 2001. – С. 175–197.
10. *Ольбенбург С. С.* Царствование Николая II / С. С. Ольбенбург. – М. : Астрель. – «АСТ», 2003. – С. 650.
11. Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). – Ф. 1483, оп. 1, д. 15, л. 35; д. 9, л. 40–41; Ф. 1276, оп. 12, д. 1438, л. 2 об.
12. *Струве П. Б.* Patriotica / П. Б. Струве. – СПб. : РХГИ, 2000. – С. 41.
13. *Холквист П.* Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» / П. Холквист // Россия и Первая мировая война: матер. междунар. науч. коллоквиума. – СПб. : Ин-т рос. истории РАН, 1999. – С. 83–102.

14. Четвёртая Государственная Дума. Фракция народной свободы: «Военные» сессии 26 июля 1914 – 3 сентября 1915 г. – Пгр. : Тип. т-ва «Екатеринофское печатное дело», 1916. – С. 96.

15. Центральный государственный исторический архив Украины (г. Киев). – Ф. 2233, оп. 2, д. 352, л. 6.

16. Яхонтов А. Тяжёлые дни (Секретные заседания Совета Министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) / А. Яхонтов // Архив русской революции. – М. : «ТЕРРА» – «TERRA», 1993. – Т. 18. – С. 23.

Надійшла до редколегії 05.11.10